Отзыв

на рукопись диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук

«Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования»

Самира Хамидовича Хотко

Специальность -07.00.02. Отечественная история. Майкоп, 2017.

Ι

Работа С.Х. Хотко посвящена важной и актуальной теме – изучению средневекового периода истории адыгов.

Целью своей работы соискатель определил «исследование исторического опыта генезиса адыгского этнополитического пространства (XIII—XVI вв.) в его культурном и этническом измерениях, а также во взаимосвязи с культурно-историческими ареалами Кавказа и Юга России» (с. 7 дисс.).

Хронологические рамки диссертации обозначены соискателем XIII-XVI веками. Обоснование нижней хронологической границы вопросов не вызывает, действительно монгольское завоевание привело к резким изменениям этнокультурного состава населения Северо-Западного Кавказа, его хозяйственных укладов, институтов власти и т.д., а также к появлению в письменных источниках нового названия населения региона - черкесы. Однако на деле оказывается, что значительная часть диссертации (Гл. I, Разделты II.5 и II.6, часть Гл. IV и др.) посвящена рассмотрению вопросов, касающихся периода раннего и развитого средневековья - с VIII и даже VI в. по XII в. Подчеркнем, к этим столетиям соискатель обращается не с целью поиска исторических параллелей или примеров (что могло бы только приветствоваться в работе на соискание докторской степени). Отнюдь нет. Это вполне самостоятельная часть работы, результаты которого соискатель выносит на защиту (см. С. 46 автореферата). Этот нехитрый прием позволил С.Х. Хотко избежать полного историографического обзора по затрагиваемым им проблемам раннесредневековой истории региона и ограничиться «факультативным» анализом историографии, а главное источников – прежде всего, археологических, интерпретация которых в диссертации, где бы соискатель к ним не обращался, выглядит совершенно беспомощно.

Вопросы вызывает обоснование и верхней хронологической границы работы, так как связывать с концом XVI в. «завершение процесса формирования внутриполитической структуры Черкесии» (С. 7 автореф.) неправомерно: в XVII, XVIII и даже XIX в. этот процесс продолжался — распадались одни «племена» и «племенные объединения», появлялись новые. Так, например, первые упоминания в источниках темиргоевцев и хатукаевцев, о которых так много пишет соискатель в своей диссертации, известны только с XVII в. (Волкова Н.Г., 1973. С. 39). На дату не ранее 80-х гг. XVI в. можно отнести разделение Кабарды на Большую и Малую, и для первой половины XVII в. это было еще сравнительно новое явление, не приведшее к полному обособлению малокабардинских князей. И т.д.

Обосновывая новизну своего труда, соискатель утверждает: «Проблемы, поставленные в работе и определившие ее структуру, впервые представлены как симбиоз что позволяет преодолеть фрагментарность существующих научных представлений, связанных с влиянием природно-географического фактора, взаимодействия кочевыми государствами, вовлечения населения Северо-Западного средиземноморско-черноморскую работорговлю, эволюции религиозных представлений. Впервые при анализе генезиса адыгского этнополитического пространства сформирован комплекс источников, включающий источники исторические, археологические,

этнографические, сопоставительный анализ которых позволил создать более аргументированную картину происходивших процессов (увеличение ареала расселения, складывание феодальных владений, усиление интеграционных явлений)» (С. 16 дисс.).

Это утверждение по меньшей степени не корректно: «проблемы, пос тавленные в работе и определившие ее структуру» в комплексе рассматривались до соискателя не единожды – и в обобщающих публикациях, и в монографиях, и в диссертациях. Эти работы в обязательном порядке содержат анализ археологических, письменных и этнографических источников. Часть этих исследований вовсе не упоминаются в диссертации С.Х. Хотко, вклад других в изучение научной проблемы, которой посвящена диссертация, соискателем не показан:

Алексеева Е.П., 1957. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. Черкесск;

Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. / Трудьл Карачаево-Черкесского НИИ ИЯЛ. Вып. III. Черкесск. С. 3–82, карта. — Е.П. Алексеевой представлена целостная авторская концепция развития черкесского общества XIII—XVII вв., в том числе в русле взаимоотношений с Золотой Ордой, генуэзцами, Грузинским и Древнерусским государством, Османской империей и др. Рассмотрены вопросы: расселения «племен» и формирования территории Черкесии, в том числе изложена версия Е.П. Алексеевой о местонахождении Кремука (1959, Глава I), особенности хозяйства, быта, вооружения, типы поселений и домостроительство (1959, Глава II), вопросы развития социального строя, верований, языка и др. (1959, Глава III). Данные работы Е.П. Алексеевой не упомянуты в диссертации С.Х. Хотко.

Стрельченко М.Л. Материальная культура адыгейских племен Север о-Западного Кавказа в XIII—XV вв. Краснодар, 1968. Диссертация на соискание уч. степ. канд. исторических наук. — В этой работе специальные разделы посвящены изучению хозяйства, общественного строя, религиозных представлений «адыгейских племен XIII—XV вв.», работорговли, роли природных факторов в развитии общественных отношений, взаимоотношений с генуэзцами, особое внимание уделено рассмотрению комплекса вооружения и т.д. Диссертация М.Л. Стрельченко не упомянута в работе С.Х. Хотко.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 544 с. — Академическое издание, в котором представлена история адыгского народа вплоть до XVIII в., готовилось под руководством чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Автором разделов о средневековом периоде истории адыгов является Л.И. Лавров, а также Е.П. Алексеева. Значение этого издания в историографии проблемы не показано соискателем.

Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда Нальчик, 2000. 230 с. — В монографии предметно рассматриваются вопросы этногенеза и этнической истории адыгов, особенности общественного строя, внешнеполитической истории кабардинцев, отдельная глава посвящена изучению вооружения и тактики боя средневековых адыгских воинов и т.д. Эта работа упоминается С.Х. Хотко только в списке литературы, ее характеристики, как впрочем и ни одной ссылки на монографию в тексте диссертации нет.

Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимовоздействия. Диссертация на соиск. уч. ст. доктора исторических наук. Владикавказ, 2010. — Работа не упомянута в диссертации С.Х.Хотко.

Голубев Л.Э. Социально-экономическое и политическое развитие адыго в в XIII–XV вв. Майкоп, 2004. Диссертация на соискание уч. степ. канд. исторических наук — Работа не упомянута в диссертации C.X.Xотко.

Голубев Л.Э. Адыги в XIII—XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар, 2017. 192 с. — Только две малозначащие ссылки: «В представлении Л.Э. Голубева такако связаны с конкретной этнотерриториальной обидностью — махошевцами» (С. 140 дисс.) и «В могилах одним из наиболее распространенных

предметов погребального инвентаря являются рыболовные спасти — крючья и грузила» (С. 180-181 дисс.). В работе С.Х. Хотко отсутствует характеристика этой монографии, не показано ее значение для решении той самой проблемы, которой посвящена диссертация соискателя, как и не обоснована новизна выводов С.Х. Хотко.

Этот список ключевых для раскрытия темы диссертации обобщающих исследований, не учтенных С.Х. Хотко, можно продолжить.

H

Соискатель утверждает, что им создана «внутренне непротиворечивая, взаимообусловленная картина развития адыгского этнополитического пространства», которая *«выводит данное исследование на качественно новый уровень осмысления темы»* (С. 11 автореф.). Рассмотрим основные постулаты этой концепции.

1. Непрерывное развитие адыгов «от меотов до Османов».

С.Х. Хотко пишет: «С большой степенью уверенности можно говорить о том, что непосредственные предки адыгов населяли основной ареал расселения Зихского племенного союза уже в VI—XII веках. В целом, можно выделить: протоадыгский этап истории (IV— I тысячелетия до н.э.), древнеадыгский этап (первая половина I тыс. н.э.), собственно адыгский этап (от VI в. н.э. до наших дней), в хронологию которого органично вписываются временные границы изучаемого периода» (С. 28-29 дисс.).

Помимо того, что впервые этноним *адыг* зафиксирован в источниках только *в* 1502 г. и производные от него названия хронологических отрезков многотысячелетнего исторического периода противоречат научным методам и научным принципам, научной логике и научной этике, бездоказательное (ссылок нет!) утверждение соискателя входит вразрез с современными научными представлениями, основанными на комплексном анализе материалов причерноморских и закубанских археологических памятников, письменных источников, палеоантропологических серий. Результаты этого анализа со всей очевидностью демонстрируют *динамичную картину формирования этнокультурного состава региона*, переживавшего на протяжении VI–XIII вв. *целую серию резких изменений*.

Так, археологические материалы левобережья Кубани рубежа VI-VII вв. фиксируют потомков меото-сарматского населения закубанских степей праболгарами. Этот процесс отразился в затухании жизни на ряде городищ, в том числе Ново-Вочепшийском, в появлении новых веяний в керамической традиции, в изменении состава стада (резко возросло количество лошадей и сократилось поголовье свиней) (Носкова Л.М., 2002), в исчезновении ингумаций с западной ориентировкой и появлении новой погребальной традиции – грунтовых погребений в длинных узких ямах с преобладающей северо-восточной ориентировкой (Тарабанов В.А., 1993; 1996; Носкова Л.М., 2002). Прежнее население «либо исчезает, либо подчиняется новым пришельцам, полностью воспринимая не только их хозяйственный уклад, но и весь комплекс культурноидеологических воззрений» (Носкова Л.М., 2002). С.Х. Хотко предпочитает не замечать этих выводов: «В отечественной историографии выработано устойчивое представление о том, что население Северо-Западного Кавказа, относящееся к меотской культуре не прекратило своего существования и влилось в состав новой средневековой общности. сохранив за собой большую часть равнинного пространства Закубанья. Однако, само имя меотов перестало употребляться в источниках, уступив место наименованию причерноморского племени зихов» (С. 24-25 дисс.).

Следующее резкое изменение этнокультурного состава Закубанья и Причерноморья связано с появлением в регионе *хазар* и фиксируется на материалах археологических памятников с **рубежа VII–VIII вв.**, когда район Анапы–Геленджика и степное Закубанье вплоть до устья р. Псекупс занимают носители обряда грунтовых кремационных погребений, принесшие с собой также новый комплекс вооружения и керамику салтовского

типа. Вопрос об этнокультурной атрибуции этого населения остается открытым (обзор версий см.: Пьянков А.В., 2001; Кызласов И.Л., 2003). С.Х. Хотко не утруждает себя полным историографическим анализом проблемы. Заметим, «автохтонная» версия — о распространении обряда кремаций в кубано-черноморском регионе вследствие изменения религиозных представлений местного населения была высказана задолго до С.Х. Хотко, еще В.В. Саханевым в 1914 г., но вплоть до сегодняшнего дня (Успенский П.С., 2015) она не нашла убедительного научного обоснования. Большинство профессиональных археологов (Дмитриев А.В., 1978; Тарабанов В.А., 1994; Гадло А.В., 1994; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998; Пьянков А.В., 2001 и 2002; Джигунова Ф.К., 2001; Носкова Л.М., 2002; Схатум Р.Б., 2002; Армарчук Е.А., 2003; Дружинина И.А., 2017; и др.) сегодня придерживаются «миграционной» версии, согласно которой обряд кремаций не имеет местных корней на Северо-Западном Кавказе и связан с санкционированной Хазарским каганатом инфильтрацией в местную среду нового населения.

Важно подчеркнуть, что ареал грунтовых кремаций (побережье от Анапы до Геленджика и степное Закубанье до нижнего течения р. Псекупс) в конце VII-IX вв. представлял собой регион, отличный по своим этнокультурным характеристикам от побережья Черного моря от р. Нечепсухо до Геленджика, населенного зихами, где были распространены грунтовые ингумации с различной ориентировкой в простых ямах и каменных ящиках (Анфимов Н.В., 1980; Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003), от Тамани, где в эпоху средневековья *полиэтничное население* хоронило умерших по обряду ингумации – в простых грунтовых ямах и каменных ящиках (Чхаидзе В.Н., 2006), от района степного Прикубанья, где преобладало праболгаро-аланское население хоронившее своих соплеменников в грунтовых ямах с преобладающей северо-восточной ориентировкой и катакомбах (Каминский В.Н., 1984; 1987) и где, вероятно, оставались потомки меотосарматского населения, от района Восточного Закубанья, который рассматривается как периферия аланской культуры (Каминский В.Н., 1989; 1993), а также от предгорий Западного Закубанья, где сохранились традиции ингумационных погребений (Джигунова Ф.К., 2000; 2007), прослеживаемые с меотского времени, и где кремации VIII-IX вв. не распространены.

Очередное изменение этнокультурной карты региона четко фиксируется с рубежа IX-X вв. Кремации исчезают с причерноморского побережья и сохраняются лишь в восточной части своего прежнего ареала. Именно в это время, к середине Х в., по данным трактата Константина Багрянородного, в равнинное Закубанье проникают зихи. Письменные источники X ϵ . упоминают также $\kappa a caxo \epsilon - \kappa a u a \kappa o \epsilon$ (позднее – касогов русских летописей) и папагов. С этого же времени в регионе равнинного Закубанья ингумационные могильники появляются грунтовые С западной ориентировкой погребенных, угольной подсыпкой, отсутствием костей животных – признаками, характерными для погребального обряда позднесредневековых адыгов. Антропологический материал этих памятников также находит ближайшие параллели в «причерноморской группе адыгских курганов» XIV-XV вв. (Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 2003; Дружинина И.А., 2016).

Важно обратить внимание на то, что исторические условия для продвижения зихов в Закубанье сложились в годы «системного кризиса» Хазарского каганата, который ознаменовался давлением со стороны Древней Руси, Хорезма, тюрок-огузов, Ширвана. Как указывает В.А. Тарабанов, «археологические материалы в степной зоне левобережья Средней Кубани подтверждают наличие значительного адыгского населения только с Х в. — времени упадка и разгрома Хазарского каганата. Этим же периодом датируется верхняя граница памятников как салтовской культуры в целом, так и ее кубанского варианта» (Тарабанов В.А., 1996). А это означает, что территория равнинного Закубанья до того, как была занята зихами, непосредственно контролировалась хазарскими властями. Условий для формирования «Зихского союза», объединившего все племена, проживавшие на территории Северо-Западного Кавказа (С. 25 дисс.). не было. Не подтверждается

<u>источниками</u> — ни письменными, ни археологическими — <u>утверждение соискателя</u>: «Заметим, что ареал кремаций С.-3. Кавказа полностью совпадает с территорией расселения автохтонных общностей. Не существует теоретической возможности представить этногенез адыгов вне ареала кремаций С.-3. Кавказа. Ясно, что и нарративный контекст, связанный с зихами, неразрывно связан с этим ареалом» (С. 195 дисс.).

Следующий вывод соискателя: «Волны миграций из глубинных районов Евразии не помешали образованию на С.-3. Кавказе Зихского (Касожского) племенного союза, окончательно оформившегося к VI в. и пережившего Хазарский каганат» (Глава III. С. 227-228 дисс.) также противоречит и письменным, и археологическим источникам.

В XI в. в степях Прикубанья появляется *половцы*, с которыми связаны новые перестановки на этнокультурной карте региона. Вновь изменяется ареал кремационных погребений: они появляются на побережье и распространяются от Новороссийска до Туапсе, *впервые* могильники с трупосожжениями оказываются *в зопе предгорий* Западного Закубанья, часть могильников смещается далеко на восток от р. Псекупс, в т.ч. на территорию Алании, отдельные памятники выявлены в Прикубанье. Но это уже *другой обряд*: наблюдается полный переход к урновым кремациям, появляется значительное количество комплексов с конскими захоронениями и новыми типами конского снаряжения, а также оружия и керамики, позднее распространяется практика *подкурганных захоронений* (Носкова Л.М., 2011). В таком виде обряд доживает до XIII в.

Таким образом, к XIII в. – ко времени монгольского завоевания и появления в источниках названия черкесы – прикубанские степи были заняты ордами половецкого племенного союза. На этой территории известны десятки памятников кочевников этого времени, установлены маршруты сезонных кочевий отдельных орд (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011). На равнинах и предгорьях Закубанья жили зихи, аланы, потомки праболгар, носители обряда кремаций, половцы, потомки меото-сарматского населения. Большинству этих народов и племен не нашлось места в "стройной" концепции «этической истории адыгов на протяжении всего Средневековья – от начала этохи Великого переселения народов (70-е годы IV в.) до XVI в.» (С. 25 дисс.). Вывод С.Х. Хотко: «Черкесия как этнополитическое понятие вырастает на фундаменте раннесредневековой адыгской общности: преемственность наблюдается в антропологическом облике, материальной культуре, погребальных практиках, религиозной традиции, этнопимии» (С. 25 дисс.) в корне не верен!

2. Еще один постулат С.Х. Хотко, являющийся отправной точкой для построения его концепции: **адыги и черкесы** – **это синонимичные понятия**.

Соискатель пишет: «Таким образом, этноним черкес для определения зихов (адыгов) впервые появился и получил распространение в среде восточных народов... Этнонимия Черкесии в XIII—XV веках приобретает характер устоявшейся системы с четким обозначением этноса, занимаемой им территории, а также отдельных феодальных владений» (С. 127 дисс.).

Название «черкес» используется арабскими и персидскими авторами применительно к *территории Северо-Западного Кавказа* («земли Черкесов» (ал-Омари), «страна Черкесов», «страна Черкес» (ибн Баттута, Йезди, ал-Калкашанди), «область черкесов», (Шами), «улус черкесский» (Йезди), «горы Черкесские» (Ибн Арабшах), а также к полиэтничному населению этого региона.

Археологические и антропологические материалы ярко и однозначно указывают на поликультурный и полиэтничный состав населения Северо-Западного Кавказа XIII—XVI вв. При этом наиболее открытой и активной контактной зоной были низовья Кубани и равнинное Закубанье. Именно здесь возникают сипкретичные формы и варианты обряда оседлого и кочевого населения (Дмитриев А.В., 1988; Армарчук Е.А., 2001; Дружинина И.А., 2013; 2016).

Особую группу памятников представляют групповые могильники, которые по особенностям обряда подразделяются на три локально-территориальные группы. Памятники первой из этих групп (в устье р. Псекупс) продолжают погребальную традицию позднего горизонта (конец X в.) могильника Казазово, и прослеживают прямую связь с многочисленными адыгскими курганными могильниками предгорий Закубанья XIV—XVIII вв. Вторая группа грунтовых могильников (на территории Крымского и Северского района Краснодарского края) пока не находит прямых параллелей в местных материалах. Грунтовые могильники третьей группы (район Анапы) с погребениями в каменных гробницах особой конструкции находят больше соответствий в памятниках Тамани и Крыма, чем в соседних подкурганных захоронениях в каменных ящиках XIII—XIV вв., распространенных на побережье от Новороссийска до Туапсинского района.

Антрополог Е.Ф. Батиева, исследовавшая краниологические материалы одного из могильников третьей группы, обнаружила наибольшую близость анализируемых серий черепам из причерноморской группы памятников — условно, *зихских*, а также *аланских* могильников (Дуба-Юрт, Гамовское ущелье, Мощевая Балка) (Батиева 2013: 330, табл. 6).

На побережье от района Туапсе до Новороссийска в золотоордынское время широко распространяется обряд погребений в каменных ящиках, причем изначально — эти погребения были грунтовыми. *Кургашый обряд* исходит из района Анапы—Новороссийска, где он одномоментно и широко *распространяется* именно с началом *монгольского завоевания* (Дмитриев А.В., 1988), вниз по побережью в ЮВ направлении и достигает районов Сочи только в следующем XIV столетии (Василиненко Д.Э., 2009), что подтверждает точку зрения исследователей, рассматривающих курганные насыпи средневековых могильников предгорий Северо-Западного Кавказа *как элемент, привнесенный в* регион *кочевниками*. С чем, разумеется, не согласен соискатель (С. 73-74 дисс.).

Особую группу памятников представляют Белореченские курганы Закубанья. Анализ их материалов показывает большое разнообразие особенностей обряда, свидетельствующих о неоднородной картине верований, значительной социальной дифференциации и полиэтничном составе населения, основную часть которого, представляли предки адыгов, но при этом отчетливо проявляется и присутствие в составе населения, оставившего Белореченские курганы, кочевников, с которым связано появление таких признаков как сырцовое перекрытие могилы, «двойные гробы», деревянные срубы и т.п.

В регионе известна серия подкурганных кочевнических погребений (с сопроводительным погребением лошади, в колодах, со специфическим набором инвентаря, включающим предметы конской упряжи, фрагменты металлических котлов и др. признаки). Источники (И. Шильтбергер) сообщают о случаях т.н. «воздушных погребений», указывающих на присутствие выходцев с абхазского побережья.

Это далеко не полная картина того разнообразия обрядов, которое сформировалось в золотоордынское время на Северо-Западном Кавказе и которое отражает сложный этпокультурный состав населения региона, известного в источниках под собирательным названием черкесы. Вывод С.Х. Хотко о синонимичности понятий адыги и черкесы для золотоордынского времени несостоятелен!

Следует особо подчеркнуть, что в письменных источниках, а также многочисленных сочинениях европейских авторов нового времени в отношении того, кем были эти самые черкесы, ясного понимания и единого мнения не было. Так, посетивший в 1836—1838 гг. Кавказ Карл Кох отмечал, что «представление о черкесах до сих пор еще остается неопределенным, несмотря на новые описания путешествий Дюбуа де Монпере, Белля, Лонгворта и др.; иногда под этим названием подразумевают живущих по берегу Черного моря кавказцев, иногда же считают черкесами всех жителей северного склона Кавказа. Французские газеты прошлых лет, несмотря на то, что Дюбуа де Монпере, будучи сам французом, оставил довольно подробное описание Кавказа, указывают даже, что Кахетия

(долина Алазани), восточная часть лежащей по ту сторону Кавказа области Грузии, населена Черкесами..» (Косh К., 1842; перевод по: Гарданов В.К., 1967).

3. Целую серию надуманных, необоснованных, далеких от науки утверждений содержит диссертация С.Х. Хотко *о зихах и касогах (кашаках)*.

«Согласно Прокопию Кесарийскому, зихи занимали все побережье от западной границы Абазгийского племенного союза в районе Сочи до устья Кубани» (С. 25 дисс.). Это утверждение С.Х. Хотко не верно и противоречит источникам: согласно Анонимному трактату Periplus Ponti Euxini (сер. VI − сер. IX вв.) − источнику, болгее детально описывающему границы Зихии, с которым согласуется и сообщени∈ Прокопия Кесарийского, район устья Кубани не был занят зихами − они проживали на узкой полосе побережья к югу от Пагр (Эптала), т.е. южнее района современного Геленджи ка (Латышев В.В., 1890; Виноградов А.Ю., 2009; 2013).

«В VI в. зихи выполнили роль объединителей всех племен Северо-Западно го Кавказа в единый племенной союз» (С. 25 дисс.). На каком основании сделан этот вывод ? Ссылок на источники и на научные работы нет.

«В VIII—Х вв. Зихия представляла собой, фактически независимую территорию с развитым военно-феодальным сословием» (С. 26 дисс.). От кого незавитсимую? На основании каких источников сделан этот вывод?

Не выдерживает критики и тезис С.Х. Хотко *«о сипопимичности этнонимов зихи и касоги для периода VIII—XII вв.»* (С. 493 дисс.). Действительно арабские ученые и русские летописцы не знали зихов, только кашаков / касогов, а вот византийцы и хазары различали эти племена или племеные союзы — вспомним Зихию и Касахию Константина Багрянородного, а также «народ Зибус» и «жителей страны Каса» хазарских источников. Подобным образом, вопреки данным источников, С.Х. Хотко ставит знак равельства между зихами и касогами, утверждая, что *«тысячелетние соседи адыгов — осетины и сваны — называют их касогами (касгон, кашак)»* (С. 114 дисс.). При этом автор умышленно замалчивает тот факт, что грузины и армяне называют адыгов также «джики» и «джикун» т.е. зихи.

«К началу монгольских завоеваний, зихский племенной союз укрепил ся и начал осваивать окрестные территории» (С. 28 дисс.) и «На протяжении второй половины XIII—XIV вв. население увеличивается в численном отношении и столь же зримо расширяется территория расселения» (С. 28 дисс.) — На основании каких источников сделаны эти голословные выводы? За счет каких территорий в XIII—XIV вв. расширяется т.н. «зихский племенной союз»? Есть ли статистика, на основе которой можно говорить «о численном увеличении населения»? За счет какого населения происходит это увеличение? Ни ответов на эти вопросы, ни ссылок на источники соискатель не приводит.

«Черкесия (синоним наименования «страны» Зихия)» (С. 28 дисс.) — более чем спорное утверждение. В 30-х гг. XIII в. католические миссионеры называют Сихией Тамань с центром в Матрике (Адыги..., 1974), но речь идет о Зихской епархии (Виноградов А.Ю., 2009; Чхаидзе В.Н., 2013; Дружинина И.А., 2017), а не о племенной территории зихов. Рубрук отдельно упоминает Зихию и отдельно черкесов, занимавших предгорья Большого Кавказа и соседствовавших с аланами (Адыги..., 1974).

4. Территория «Зихии» или «Черкесии» включала Таманские земл и.

На С. 27 дисс. соискатель утверждает: «Весь изучаемый период, XIII—XVI вв., Таманский «остров» находился в составе ареала расселения адыгов и боль шую часть времени управлялся адыгскими феодалами».

<u>Что, безусловно, не так.</u> Население полуострова (вернее, островов, нах одящихся в дельте р. Кубань) являлось полиэтничным. При этом на территории полу острова не известно ни одно погребение средневековья-нового времени, которое было бы возможно связать *именно* с адыгским погребальным обрядом. Рубрук таманские земли к Зихии не

относит, помещая последнюю выше «Матрики и устья моря Танаидского» (Адыги.., 1974). Центр островов – город Матрика–Матрега (ранее называвшаяся Матрахой, Тмутараканью) с начала XIII в. находился под властью Золотой Орды, с начала XIV в. – гену эзцев, власть которых сохранялась до 70-х гг. XV в., когда город был взят османами и вотшел в состав Адахунского санджака Каффинского эйялета. К слову сказать, ал-Калкашанди (2 пол. XIV – нач. XV вв.) вообще отмечает, что: «жители города — неверные кыпчаки». Нет никаких сведений об этом городе, как столице Черкесии и уж тем более искусственно созданного «княжества Хытук», как пытается показать С.Х. Хотко. И в этой связи достаточно привести пример обращения соискателя с источниками.

В сообщении брата Рикардуса (май-июль 1234 г.) о посещении Матрыки римским миссионером Юлианом, прямо сказано: «...они прибыли в землю, которая называется Сикия, в город, который называют Матрика. Глава этого города и земли и жители его зовут себя христианами, используют греческую письменность и имеют священников греков. Правитель, как говорят, имеет сто жен». С.Х. Хотко интерпретирует это сообщение следующим образом: «в 1237 г. зихи названы Юлианом христлианами, но христианская смиренность была абсолютно чужда зихскому государю, у которого, по замечанию монаха, было сто жен» (С. 197 дисс.). Но это не все, далее он произвольно соотносит этого выдуманного им же самим «зихского государя» с «государем Тукаром» упоминаемым в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, и пишет: «Самым сильным кочевническим вызовом для Зихии (Черкесии) стало монгольское вторжение 1237 г. Черкесский царь Тукар (Тукбаш), который как правитель Зихии описан в Матрике буквально накануне монгольского вторжения венгерскими монахами, погиб и, н адо думать, равнинные области страны черкесов были разорены» (С. 210 дисс.). Между тем, у Рашидад-дина дословно сказано следующее: «осенью Менгу-каан выступили в поход против черкесов и убили тамошнего государя по имени Тукара». <u>Ни слова в источнике ни про</u> Зихию, ни про Матрику!

Сгенерированный соискателем на основе искажения письменных источников конструкт – «Тукар – правитель Зихии в Матрике» – возникает и в других разделах диссертации (см.: Глава III. С. 228-229).

5. «В Черкесии существовал феодальный строй» (С. 4 т.д.).

Для «Черкесии XIII–XVI вв.» характерен «феодальный общественный строй при отсутствии единого, унитарного государства» (С. 36 дисс.), «Кабарда переживала феодальную раздробленность» (с. 67 дисс.) и т.д.

Историческое образование обязывает исследователя, приступающего к изучению особенностей развития того или иного средневекового общества, а тем более — к изучению вопроса о существовании в обществе феодальных отношений, начинать своло работу с анализа и характеристики основного понятийного аппарата: феодализм — это . . . , формы и виды феодальной зависимости — . . . и т.д. Такой раздел в работе С.Х. Хотко отсутствует.

Необходимым этапом работы является обзор и анализ существующей по этому вопросу научной литературы — как общей, так и касающейся специфики регионального развития. В диссертации С.Х. Хотко вся историография по этому принципиальному вопросу укладывается в один короткий абзац:

«Немпогочисленные специальные исследования социального строя и хозяйственного развития Черкесии XIII—XVI вв. не дали качественно новой картины по сравнению с созданной в работах Л.И. Лаврова, А.В. Гадло, Е.П. Алексеевой, Е.С. Зевакина. Тем не менее, на основании письменных источников и археологических данных В.А. Тарабанов делает вывод о существовании у адыгов в XIII—XVI вв. развитого феодального строя с князьями, дворянами и зависимым крестьянством, подчеркивая при этом, что феодальные отношения развивались крайне медленно и «переплетались с многочисленными родовыми пережитками» (Тарабанов В.А. Социальные отношения адыгов в X—XV вв. // Древности Кубани. Вып. 5. Краснодар, 1997. С. 33—37)» (С. 76 дисс.).

С.Х. Хотко даже не упомянуты ключевые для этой темы работы:

Ковалевский М.М., 1886. Современный обычай и древний закон, т. І,ІІ;

Ковалевский М.М., 1890. Закон и обычай на Кавказе;

Новосельцев А.П., 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.;

двухтомник: Гутнов Ф.Х., Горский феодализм. Часть І. Владикавказ, 2007. Часть ІІ. Владикавказ, 2008.

В списке литературы присутствует, но в тексте нет ни одной ссылки на хрестоматийную работу: *Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII* – *первая половина XIX в.). М., 1967*. Отдельного освещения требует вопрос о роли в общественной организации адыгов общины («псухо») (работы Б.М. Джимова, М.А. Меретукова, Э.Л. Коджесау и др.), «братств» («тлеух») (Гарданов В.К. и др.) и т.д.

Ближе всего политическое развитие населения Северо-Западного Кавказа XIV–XVI вв. подходит под определение *вождества* — «промежуточной формы политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального и тем более легализированного аппарата принуждения и насилия» (Васильев Л.С., 1980).

Без освещения ключевых проблем и вопросов, без четкого научного обоснования авторской позиции по ним утверждения соискателя о том, что «Структурирование адыгского пространства происходило не только в плане расширения его границ, но и в связи с развитием крупных феодальных владений (княжеств)» (С. 59 дисс.) и тому подобные, являются голословными и не могут рассматриваться как научные положения!

6. О «феодальных княжествах».

Соискателем искусственно создано «княжество Хытук» лишь на том основании, что в адыгской этнонимике есть такое название как *хытук* «островитяне». И далее: в XVI–XVIII вв. территория расселения хегаков включала район Анапы и Таманский полуостров (С. 129 дисс.). Никаких ссылок на источники не приводится.

Описывая события XV в. С.Х. Хотко безапелляционно утверждает: «С 1419 г. Матрега полностью или частично перешла в управление знатного генуэзского семейства Гизольфи, которое породнилось с местной черкесской династией. В качестве зятя черкесского таманского князя здесь поселился Виккентий де Гизольфи. Впрочем, не Виккентий, а его отец, Симон де Гизольфи, стал правителем Матреги. Симон, по всей видимости, получил Матрегу как приданое своей невестки. Ф. Брун отмечал, что в Матреге в начале XV в. правил князь Берозок (Berozoch)» (С. 130 дисс.). С.Х. Хотко не утруждает себя ссылками на источники, а использует в качестве такового труд исследователя XIX в. Ф.К. Бруна, который, однако, ничего не сообщает ни о переходе Матреги под управление Гизольфи, ни о местной (?!) черкесской династии, ни о приданном, ни о правлении в городе князя Берозока.

В числе «феодальных княжеств» соискатель называет *«крупное образование – княжество Кремук»* (С. 59, 69-70, и т.д. дисс.).

Кремук (Кремух) — *«страна» (область)*, (но не княжество!) на территории средневековой Черкессии, упомянутая Иосафатом Барбаро (нач. XV в. — 1493 г.). *Местоположение* Кремуха *неизвестно*! В историографии существует, как минимум *шесть версий*: Ейск, Ачуев мыс, Темрюк, Адегум-Абин-Хабль, Сочи, Закубанье — соискатель об этом предпочитает не упоминать. С.Х. Хотко придерживается версии о локализации Кремуха в Закубанье и его связи с Белореченскими курганами — группой элитарных могильников XIV—XVI вв., оставленных *полиэтничным (а не исключительно адыгским!)* населением.

При этом, желая «укрепить научный авторитет» этой версии, С.Х. Хотко идет на сознательную манипуляцию с чужими работами. Вслед за своим утверж дением: «В результате проведенных исследований стало очевидно, что данная группа тамятников

[Белореченские курганы — сост. отзв.] непосредственно связана с генезисом княжества Кремук (Кемиргоя, Темиргоя), упоминаемым у Барбаро и Интериано» (С. 69 дисс.) С.Х. Хотко приводит в сноске длинный список работ, куда включает работы с прямо противоположной точкой зрения и прямой критикой этой версии (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации «области Кремух» и о белореченских курганах // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 124—137; Волков И.В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // МИАСК. 2003. Вып. 2. С. 224-260), а также работу, где вообще не упоминается Кремук и не рассматривается данная проблема (Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (2). М., 2011. С. 39-62).

Очередное бездоказательное утверждение соискателя: «На протяжении <u>XIV-XV вв.</u> сложился <u>ряд значительных черкесских княжеств</u>, занявших <u>большую часть предгорий Северного Кавказа от Керченского пролива на западе до Сунжи на востоке</u>. Черкесские (кабардинские) курганные некрополи маркируют и значительное пространство на восток от Сунжи (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский...» (С. 240–242 дисс.).

Р.Б. Схатум (2009) убедительно показал, что условия для массового переселения адыгов на восток сложились во времена кризиса Большой Орды — в конце XV в.: «Предпосылки для переселения адыгов в этот регион [районы Центрального Кавказа — сост. отз.] могли появиться в связи с произошедшими в последней четверти XV столетия событиями в Северном Причерноморье (вторжение турок в Крым в 1475 г. и в Черкесию — в 1479 г., а также разгром Большой Орды, кочевавшей в Центральном Предкавказье, в 1498—1502 гг.). В этот период политическая карта региона кардинально изменилась. Османская империя расширила свои владения до Крыма и Таманского полуострова, что привело в движение адыгское население этих и сопредельных территорий. Одна часть адыгов вынуждена была подчиниться туркам, оставшись в прежних местах своего обитания, а другая часть ушла на восток» (Схатум Р.Б., 2009. С. 106).

Этот вывод подтверждают и археологические источники. Изучение могильника Каррас (Пятигорье) позволило отнести возникновение памятника к рубежу XV–XVI вв., а самую позднюю группу его погребений – к XVII в. (Дружинина И.А., Пежемский Д.В., 2014). Не ранее конца XVI в. сформировалась группа малокабардинских курганов (Дружинина И.А., 2009), а, следовательно, ни о каких «черкесских княжествах XIV–XV вв. на восток от Сунжи» (С. 128 дисс.) не может идти и речи.

7. Столь же шатким является целый ряд рассуждений С.Х. Хотко *о черкесских мамлюках*.

Не выдерживает никакой критики утверждение: «Они воспроизводили в новых условиях ту воинскую и феодальную иерархию, в которой привыкли эсить в Черкесии. Поэтому черкесские мамлюки были в большей степени черкесами, чем мамлюками» (С. 304 дисс.). Это утверждение требует системы аргументов — о существовании феодальных отношений у черкесов на Северном Кавказе, а затем — рассмотрения их на фоне т.н. «восточного феодализма». Разумеется, такая работа соискателем проведена не была. Базовые понятия «восточного феодализма» икта, мульк, харадые и др. — в работе не упоминаются.

Добавим также и то, что структура и иерархия черкесских мамлюков *не была чем-то уникальным* по сравнению с организацией мамлюков бахритского периода, *и уж тем более – перенесенным в Египет из Черкесии*.

8. О «культуртрегерском» влиянии адыгов на кочевников.

Соискатель утверждает, что ему «Удалось установить, что всякий раз отношения начинались с конфронтации и завершались военным союзом, культурным обменом,

интеграцией кочевых коллективов в адыгское этнополитическое пространство» (С. 494— и т.д. дисс.). Здесь достаточно упомянуть о подчинении населения Северо-Западного Кавказа монголам и вхождение этой территории в состав Улуса Джучи. Кто кого интегрировал?

«На протяжении XIV—XV веков произошло поэтатное усиление военнополитического влияния Черкесии, сопровождавшееся ее территориальным ростом. Этот процесс шел не только вопреки воле ордынского правительства, но, во многом, благодаря различным формам военно-политического взаимодействия с ханской властью. Не случайным представляется факт достаточно частого использования имени Черкес в среде ордынской правящей верхушки» (С. 634 дисс.).

Это и подобные ему (см раздел III.1 дисс.) – безответственные и натянутые заявления. Имя Черкес встречается в сирийских и египетских хрониках до того, как стало применяться восточными авторами по отношению к населению Северо-Западного Кавказа, по меньшей мере с XII в. Так, Рашид ад-дин упоминает эмира Фахр ад-дина Черкеса, в том числе на этот факт обращали внимание специалисты – А.Х. Нагоев и Б.М. Керефов (2000). Этот же источник упоминает и Черкеса из монгольского племени сайджиут, старшего эмира Джучиева Улуса. Его предком был Мункеду-нойон. Имя Черкес пришло на Кавказ, а не наоборот, и было экзоэтнонимом для местного населения. Связь с северокавказской, а тем более с адыгской средой любого исторического персонажа, известного в восточных письменных источниках под именем Черкес, нужно доказать.

С.233 дисс.: «Первый пример атальчества, при котором ханский отпрыск был отправлен в Черкесию, также относится к периоду наивысшего военно-политического могущества Золотой Орды. Согласно записке Шагин-Гирея, последнего крымского хана, первым воспитанником черкесов являлся не кто-нибудь, а сам великий золотоордынский хан Узбек». Это утверждение базируется на сведениях двух источников — Записке Шагин-Гирея (1745—1787) (т.е. сообщении XVIII в.), а также источника XVI в. Чингиз-наме Утемиш-Хаджи, который повествует о том, как по приказу хана Токты в Черкесские горы за Узбек-ханом отправились кыйат Исатай и сиджут Алатай. Поскольку в более ранних источниках эти сведения не приведены, к ним нужно относиться с большой осторожностью. Тем более что другой автор XVI в. Кадыр Али-бек Джалаир в своем труде «Джами ат-таварих» описал те же события, но без упоминания Черкесских гор: «кият Исатай и чичут Алатай привезли из Ирана Узбека и сделали его ханом, прикон чив Бачкира Ток-Бугу» (см.: Трепавлов В.В., 2010).

О периоде 1237—1332 гг.: «Внутри этого почти столетнего периода надо предполагать большие мирные паузы, во время которых черкесы дисциплинированно выполняли свои вассальные обязательства в отношении ханской власти. Но можно предполагать и героическое сопротивление, восстания, масштабные конфликты» (С. 229 дисс.). Или нельзя. Все зависит от фантазии соискателя. А вот в этом — в полете фантазии — С.Х. Хотко не откажещь: «Кочевая империя бросила вызов местному сообществу, которое, прямо в соответствии с концепцией Арнольда Тойнби о вызове и ответе (challenge and response), стало усиливаться, консолидироваться и, надо полагать, увеличиваться численно» (С. 229 дисс.).

Здесь уже соискатель откровенно запутался в своих домыслах: «В период между 1327 и 1332 гг. источники сообщают о нескольких походах ордынцев против черкесов. Вполне вероятно, что этот конфликт был вызван продвижением черкесов в Кабарду» (С. 229 дисс.). Согласно этому утверждению соискателя, Кабарда существовала отдельно от черкесов, черкесы туда прорывались с боями, отбиваясь от ордынцев, которыми сами же и являлись.

Не забывая, что для С.Х. Хотко черкесы и адыги — это синонимы, читаем: «Другой яркий пример давления черкесов на кочевническое государство — Астраханское ханство, столицу которого <u>черкесы захватывали несколько раз (sic!), содействуя воцарению ханов, являвшихся черкесскими родственниками или воспитанниками. Истоки татарской государственности с центром в Астрахани были заложены Хаджи-Черкесом или</u>

Черкесбек-ханом в 70-е гг. XIV в. Правил Черкесбек-хан педолго, но именно он заложил фундамент политической независимости Астрахани» (С. 240 дисс.). Это действительно «яркий пример», только пример умышленного умалчивания соискателем противоречащей его надуманным построениям информации. Вокруг происхождения Хаджи-Черкеса идет научная дискуссия. Несмотря на то, что его имя не упоминается в числе царевычей Золотой Орды, Ибн Халдун называет его эмиром при Бердибеке, иными словами, Хаджи-Черкес принадлежал высшей аристократической прослойке Золотой Орды. По одной из версий, Хаджи-Черкес был выходцем из черкесов, входивших в состав Золотой Орды, или имел к ним какое-то отношение. По другой версии, Черкес был сыном Джанибека и вступил на престол около 1360 г. (см. И.В. Зайцев, 2004. Астраханское ханство. М. С. 17-19).

Далее, на С. 134 диссертации читаем: «В 80-е годы XIV в. упоминается ордынский наместник в Солхате с именами Жанкасиус (Jhancasius), сеньор Зих (lo segno Zicho), Чаркас-господин (Jharcasso segno). Вполне вероятно, что это был жанеевский князь на ордынской службе», в другом месте диссертации встречаем уже очередной фантом от С.Х.Хотко — «наместника Крыма», «правителя Солхата» Жанкасиуса-Зиха (Jhancasius-Zich) — «вполне вероятно, что он был выходуем из жанеевского княжеского рода» (С. 231 дисс.). Речь идет о двух версиях (1380 и 1381 гг.) договора, заключенного правителем Солхата с генуэзцами. Этот правитель ни в какой из версий договора и ни в каком из его переводов не упоминается как Жанкасиус-Зих (Jhancasius-Zich), хотя в обеих версиях договора встречаются различные его именования, в том числе и Ellias/Allias/Elias fiio [figlio] de Inach Сотоllовода, т.е. сын Кутлу-Буги-Инека — наместника Джанибека, о чем С.Х. Хотко предпочел умолчать.

Подобные примеры научной недобросовестности можно продолжать и продолжать...

9. Существовали дипломатические отношения между Черкесией или отдельными «феодальными княжествами» и Египтом. Черкессия проводила самостоятельную дипломатическую политику. Об этом нет сведений в письменных источниках и это не возможно, т.к. черкесские земли входили в состав Золотой Орды.

III

Следующие утверждения соискателя ученой степени доктора исторических наук содержат намеренное искажение текстов исторических источников, а также текстов научных публикаций:

«В середине X в. Константин Порфирогенет описал Зихию как, по сути, единственную страну на пространстве Северо-Западного Кавказа, но не вълючил в ее состав Таманский полуостров» (С. 26 дисс.). В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» сказано: «За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказстие горы, а выше этих гор — страна Алания» (Константин Багрянородный, 1991. С. 171, 175). Иначе говоря, в середине X в. византийский император совершенно определенно называет на территории Северо-Западного Кавказа три страны, при этом Зихию он локализует на побережье — от Никопсии (вероятно, соврем. пгт. Новоихайловский) до старого русла Кубани под названием Укрух, а не на всем пространстве Северо-Западного Кавказа.

На С. 40 диссертации указано: *«Адыги возводили городища с земляными уктреплениями* (валы, рвы), снабженными частоколом» со ссылкой на: (Степи Евразим в эпоху средневековья. М., 1981. С. 173). На странице 173 данного издания содержится карта «Распространение различных типов поселений на Северном Кавказе в <u>VI–IX вв.</u>». На карте

в регионе Северо-Западного Кавказа обозначены всего три поселения, которые отнесены к типу <u>неукрепленных</u>. Данная карта приводится соискателем в качестве иллюс трации цитат из сочинений авторов <u>XVI и XVII вв.</u>: «В XVI в. Реммал Ходжа описал использование адыгами такого приема как ров с воткнутыми в него кольями, призванного сдержать наступление татарской конницы» (С. 40 дисс.) и следующая цитата: «Так, жатукаевское селение Педеси описано у Э. Челеби как <u>настоящая</u> крепость с четырьмя рядсями земляных валов и срубов из громадных бревен» — ссылка на Эвлию Челеби (XVII век!), при этом не верная: у Челеби написано: [как бы] крепость...

На С. 212-213 дисс. С.Х. Хотко утверждает, что в «Задонщине» при характеристике достоинств русского войска в Куликовской битве и его оснащения упоминаются «шеломы черкаские», как следствие появляется вывод, что «Появление черкесских шлем ов в русском войске тем более логично, что и русские, и черкесы были составными частями общей имперской армии Золотой Орды». Однако автор либо не знает, либо не хочет указывать, что пространные редакции «Задонщины» (коих, кстати, несколько) относятся к XVI–XVII вв., чем собственно и объясняется появление «шеломов».

«По-прежнему особое значение для изучения ареала расселения адыгов имели археологические исследования. И.А. Дружининой принадлежит концептуально важное наблюдение о полном соответствии погребальных практик населения Северо-Западного Кавказа позднего средневековья тому описанию процесса похорон и погребения черкесского князя, которое оставил Дж. Интериано» (С. 68 дисс.). Ссылка на работу: Друэнсинина И.А. Сообщение Джорджио Интериано о погребальном обряде черкесов в свете данных археологии // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 118–121. На странице 119 данной работы Дружининой И.А. указано: «Но при всем видимом согласии письменных и археологических источников в нем кроется известное противоречие. И связано оно с тем, что всей совокупносты признаков погребального обряда, упомянутых Интериано и фиксируемых археологически, не соответствует ни одно из исследованных на сегодняшний день погребений адыгов XIV–XV вв.». И вывод публикации И.А. Дружининой: «Объяснение [этому] связано с тем, что черкесы – это полиэтноним, собирательное название многих северокавказских народов, среди которых адыги к XV в. оказались самым многочисленным, влиятельным и, что немаловажно, лучше других знакомым европейцам формирующимся этносом, что и обеспечило упоминание этнонима «адыги» в качестве самоназвания черкесов. Интериано в описании мог объединить черты погребальной обрядности этнокультурных групп, проживавших на одной территории с адыгами».

В диссертации С.Х. Хотко со ссылкой на статью Дружсининой И.А., Чхаидзе В.Н. «Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа..» указано: «Процесс формирования жанеевской субэтнической общности и соответственно, княжества Жаней, по ее мнению, археологически связан с курганными могильниками XIV—XVI вв. и даже XVII—XVIII вв., расположенных в долине Абина» (С. 68-69 дисс.). В статье И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе читаем: «Попытаемся выяснить, с каким субэтническим подразделением, так называемым "племенем", на которые делилось адыгское общество, можно соотнести формирование могильника XVII—XVIII вв. Грузинка-Х» (С. 152) и вывод авторов: «Анализ особенностей погребального обряда, а также сведений письменных и картографических источников позволяет связывать формирование памятника с жанеевцами и, в то же время, целый ряд комплексов могильника относить к кругу погребальных памятников шапсугов, расселившихся в долине р. Абин в XVIII в.». (С. 154). При этом ни слова о «княжестве Жаней XIV—XVI вв.»!

Еще более безответственное искажение выводов исследователей в следующей цитате соискателя: «Было проведено более детальное изучение белореченской группы курганных некрополей, в том числе, и богатого аристократического захоронения (раскопки Н.И.

Веселовского 1897 г.)». (С. 69 дисс.) Ссылки на работу: Горелик М.В., Друэтсинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (2). М., 2011. С. 39—62. «В плане этнической атрибуции как это конкретное погребение, так и, в целом, вся белореченская группа рассматривается ими как черкесская: обряд и вещи курганов (оружите, керамика, пр.) являются местными, черкесскими и что парадигма выделения некоей отдельной культуры, отличной от всего ареала черкесских памятников, несостоятельна [сноска на ряд работ М.Г Крамаровского — прим. составителей отзыва]» (С. 69 дисс.).

В действительности в публикации относительно обряда авторы приходят к выводу о совмещении в нем черт погребальных традиций адыгов, а также кыпчакских племен Волго-Уральского региона (sic!) (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. С. 61-62), относительно погребального инвентаря – к выводу о наличии в нем латинских, крымско-малоазийских и греческих импортов (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. С. 39). Но самое вопиющее в рассматриваемой цитате из диссертации С.Х. Хотко, это приписывание М.В. Горелику и И.А. Дружининой вывода о несостоятельности мнения М.Г. Крамаровского о феномене белореченских курганов. В связи с этим особо подчеркнем, что выводы М.Г. Крамаровского о том, что:

- 1. материальная культура населения, оставившего Белореченски е курганы, определялась не уровнем развития товарного обмена данного района Северно го Кавказа с городами-эмпориями Восточного Крыма, Приазовья, и Поволжья, а внеэкон омическими средствами воинствующего анклава государства [Золотой Орды, не Черкесии сост. отз.], теряющего контроль над собственной территорией;
- 2. рядовые погребения сохраняют основные черты традиционного по гребального обряда;
- 3. материалы Белореченских курганов и близких к ним могильников не могут служить моделью для выделения особой археологической культуры;
- 4. как научная парадигма феномен белореченской культуры несостоятелен (С. 334) являются научно обоснованными и объективными.

К слову, в основном тексте С.Х. Хотко даже не упоминается имя Марка Григорьевича Крамаровского, а приведенная цитата с приписываемой другим авторам ложной оценкой его научных трудов — единственное место в диссертации, где соискатель упоминает этого исследователя, одного из ведущих специалистов по истории и культуры Улуса Джучи, в том числе и его северо-кавказской провинции.

Кроме того, в списке литературы диссертации С.Х. Хотко отсутствуют ключевые для изучения поднимаемых соискателем вопросов обзорных работ и обобщающих м онографий:

Каминский В.Н., 1993. Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар. С. 70–83.

Нарожный, Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. — В списке литературы есть, а в тексте работы ни одной ссылки.

Нарожный Е.И. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология евразийских степей. Том. 1. Казань, 2007.

Носкова Л.М. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 169-187.

Схатум Р.Б. О некоторых этнических названиях адыгов в прошлом (зигхи, касоги, черкесы) // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 1 54-157.

Схатум Р.Б. О времени переселения адыгов на Центральный Кавказ // Историкоархеологический альманах. Вып. 9. Армавир; Краснодар. М., 2009. С. 101-108.

Стрельченко М.Л. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII—XV вв. // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар, 2003. С. 30-38.

Тарабанов В.А. Религия средневековых адыгов // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар. 1992.

Тхайцухов М.С. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII–XX вв.) Диссертация на соиск. уч. ст. доктора исторических наук. М., 2005. 52 с.

Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск, 2002.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI-X веках. М., 2012.

- На С. 79 диссертации С.Х. Хотко указывает *«автором данной диссертации были предприняты усилия направленные на создание обобщающего исследования по истории Черкесии в средние века и новое время. В монографии* [Хотко С.Х. История Черкесии... СПб., 2001; примечание составителей] вошли главы, посвященные генуэзско-черкесским, ордынско-черкесским, османо-крымско-черкесским контактам, а также черкесскому присутствию в Египте и Сирии. Однако при реконструкции истории Черкесии XIII—XVI вв. автору не удалось комплексно проанализировать данные археологических источников». Однако автор, умышленно вводя в заблуждение читателей его диссертации, умалчивает о, по крайней мере, четырех опубликованных отрицательных отзывах на эти его работы:
- 1. Матвеев О.В. На круги своя... // Некоторые черты и особенности обустройства Северокавказской окраины России. Вопросы Северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 58-68.
 - 2. Цулая Г.В. Вступительная заметка / Силуэты Грузии. І. М., 2007. С. 3-17.
- 3. Джапаридзе Г.И. Черкесский эгоцентризм в трудах Самира Хотко // Нодар Шенгелия, 75. Тбилиси, 2008. С. 362-371.
- 4. Чхаидзе В.Н. О "новой" истории Грузии (VIII–XIII вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир, 2008. С. 295-315.

IV

Особо следует коснуться отношения С.Х. Хотко к археологическим источникам, на которых построена половина работы.

Прежде всего, у соискателя сложилось некорректное понимание *археологических источников* как таковых, к числу которых С.Х. Хотко относит научные статьи и монографии по археологии (см.: С. 105, 527-542 дисс.).

Примерами безответственного отношения к археологическим источникам являются попытки соискателя «закрепить» некоторые археологические памятники за отдельными «племенами» и более того — за отдельными фамилиями, появившимися спустя многие столетия или даже тысячелетие. Так, Белореченские курганы С.Х. Хотко «присваивает» Болотоковым (С. 22 автореф.), Убинский могильник XII—XIII вв., как и могильник Казазово VIII—X вв. «территориально и хронологически может быть отнесен к собайцам (хатукаевцам)» (С. 106, 138 дисс.).

Целая серия утверждений соискателя, касающихся «анализа» археологических источников, представлена в диссертации без ссылок. Если это самостоятельные выводы автора — должны быть ссылки на научные отчеты, архивные и музейные материалы, если эти выводы были подчерпнуты соискателем в работах профессиональных археологов — должны быть ссылки на них. Вот лишь несколько примеров:

«В случаях с коллективными или, точнее, неоднократными захоронениями в одном кургане, на наш взгляд, очевиден семейно-родовой характер использования однажды возведенного погребального сооружения» (С. 107 дисс.) — Необходима ссылка хотя бы на В.И. Сизова, впервые высказавшего эту мысль еще в 1889 г., или на К. фон Мерса, 1909.

«На фоне, казалось бы, давно и прочно утвержденного христианства, обретшего все внешние атрибуты институализации, население Зихии весь этот протяженный период продолжает погребать покойников не по христианскому обряду. Погребения зихов носят совершенно дохристианский облик, являются продолжением тысячелетней

традиции погребальной обрядности разноплеменного, но, видимо, родственного населения Северо-Западного Кавказа. Эта автохтонная обрядность проявляется в следующих чертах: отсутствие христианской символики, каменный ящик, курганная насыпь, большое число погребального инвентаря, оружия, конские жертвы. Не встречаются погребения в гробах, в XIII-XIV вв. адыги стали хоронить в деревянных колодах, но и в этом нет, вероятно, христианского влияния. Можно полагать, что это степное (половецкое) влияние, тем более, что часто погребения в колодах сопровождались конским погребением. Что остается христианского в погребении средневекового зиха? Только ориентировка головой на запад. Это наиболее повсеместно встречающаяся орнентировка (запад и северо-запад)» (С. 189-190 дисс.). Мало того, что все эти выводы даже не вторичны (см.: Тарабанов В.А. Религия средневековых адыгов // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар. 1992; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля, 2014 г. Материалы конференции. М., 2014. С. 286-291), С.Х. Хотко не приводится ни одной ссылки! И т.д.

Учитывая вышесказанное, приходится констатировать, что диссертация С.Х. Хотко «Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII—XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» преисполнена фактических ошибок, намеренных искажений сведений источников или замалчиваний их. Эту работу отличает недобросовестное отношение к научным публикациям — целый список ключевых для раскрытия темы монографий и диссертаций не учтен С.Х. Хотко, в том числе намеренно, выводы исследователей искажены, ссылки зачастую или не корректны, или отсутствуют вовсе. Целый ряд утверждений соискателя не объективны, не достоверны и этноцентричны. С.Х. Хотко утверждает, что «пытается избежать фетицизации источников» (С. 110 дисс.), но все происходит ровно наоборот — исходя из текста работы, выходит, что наука национальна, а это и есть самый страшный грех науки, в особенности исторической. Выносить на защиту подобное "произведение" как научное нельзя. От него неизмеримо больше вреда, чем пользы.

Диссертация «Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» не соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, предъявляемым к работам на соискание ученой степени доктора наук. С.Х. Хотко не заслуживает присуждения высокой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. Отечественная история.

Научный сотрудник

Группы по изучению археологии Кавказа ИА РАН

Инга Александровна Дружинина

Научный сотрудник

Отдела средневековой археологии ИА РАН

к.и.н. Виктор Николаевич Чхаидзе

одпись руки *оруда* ЗАВЕРЯЮ:

ктор по калрам

7 ноября 2017 г.

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

http://www.archaeolog.ru/ ia.ras@mail.ru Тел.: (499) 126-47-98, факс (499) 126-06-30

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук